

- i kolektivnaya identichnost v Evrope do nachala Novogo vremeni* (Images of the past and collective identity in Europe before the beginning of the New time). Moscow, 2003, pp. 19–37.
8. Lysenko V. Uroki ustnoy traditsii (Lessons oral tradition). *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik 2001* (History and philosophy yearbook 2001.). Moscow, 2003, pp. 157–159.
 9. Locke J. *Questions concerning the law of nature*. Ithaca; London, 1990. 260 p. (Russ. ed.: Locke J. Opyty o zakone prirody. *Soch.*: v 3 t. Moscow, 1988, vol. 3, pp. 3–53).
 10. Rebane Ya. K. *Osotsialnoy determinatsii poznaniya*: avtoref. dis. ...d-ra filos. nauk (About the social determination of knowledge: abstract of dis. ...PhD of philosophy). Moscow, 1970. 45 p.
 11. Husserl E. *Cartesian meditations. An introduction to phenomenology*. Boston; London, 1960. 163 p. (Russ. ed.: Husserl E. Kartezijskie razmyshleniya. Husserl E. *Logicheskie issledovaniya. Kartezijskie razmyshleniya. Krizis evropeyskogo chelovechestva i filozofiya. Filozofiya kak stroгая nauka*. Minsk; Moscow, 2000. 752 p.).
 12. Moskovichi S. *The age of the crowds. Historical treatise on mass psychology*. Cambridge, 1985. 418 p. (Russ. ed.: Moskovichi S. *Vek tolpy. Istoricheskiy traktat po psikhologii mass*. Moscow, 1996. 478 p.).

УДК 316

ПОРЯДОК РЕВОЛЮЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ РИСК-ТЕНДЕНЦИЙ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

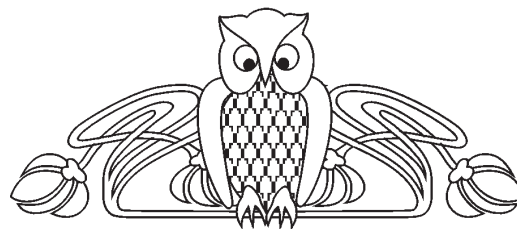
Данилов Сергей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

В работе исследуется социальный порядок революционного общества. На основе исторического опыта революций и исследований революционных процессов осуществляется анализ тенденций и противоречий данного состояния социальной динамики. Отмечаются ценностные трансформации: ценностный кризис, проявляющийся в пересмотре ценностных принципов предшествующего порядка – девальвации, сосуществует с риск-тенденциями ценностной актуализации, когда ценности наполняются новым историческим содержанием. Амбивалентность ценностной сферы революционного общества также проявляется в тенденциях консолидации-дезинтеграции. Амбивалентность институционального измерения фиксируется на примере «демонтажа» и генезиса социальных институтов, являющихся также риск-процессами.

Ключевые слова: социальный порядок, революция, риск, институты, ценности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-253-256

Вопрос о социальном порядке приобретает особую актуальность в связи с динамичными состояниями общества. Франция 1789 г., Россия 1917 г. или арабская весна 2011 г. (Египет, Тунис, Ливия, Сирия) обнаруживают больше сходств, чем различий, в формировании и развитии революционного процесса. Согласимся с утверждением, что понятие «революция» требует осторожного применения, так как речь в данном случае может идти не обо всех явлениях, а о тех, где проявляются намерения «установить новый

моральный и материальный миропорядок и провозгласить или заложить радикально новые модели повседневного поведения» [1, с. 96]. Содержание этого уточнения должно настраивать на масштаб осуществляемых трансформаций, где изменения внутреннего порядка обществ соединяются с идеей построения новой реальности как мирового порядка.

Революционный социум является примером транзитивного общества, в котором усиливается критическое состояние социальных явлений и процессов. Общество, находящееся в состоянии революции, вступает в период социального развития, когда усиливаются риски катастрофичности и вместе с тем происходят поиск новых путей развития, эскалация насилия и выбор новых ценностных и институциональных форм социального порядка и огромная роль отводится идеалу, «основанному на символике равенства, прогресса, свободы и на убеждении, что революции создают новый и лучший социальный порядок» [2, с. 44–45]. И, что важно, усиливается амбивалентность транзитивного, демонстрируя противоречивость изначальных состояний, с которыми система подходит к революционной точке кипения.

Исследовать динамику революционного общества важно в рамках социально-философского анализа, позволяющего, используя потенциал

исторического факта, выявить риск-тенденции и закономерности. Отметим, что уже французские просветители, особенно участники революционного процесса, были убеждены в способности революции создать новый порядок на основе и с помощью разума, освобождаясь от остатков старого. П. А. Сорокин, осмысливая революцию как социальное явление, в том числе события 1917 г., полагал, что из-за инстинкта самосохранения переворачивается существующий социальный порядок и одним из ключевых условий революционного взрыва выступает «бессилие организаций, обеспечивающих социальный порядок» [3, с. 272–282].

Упорядоченность общества имеет институциональную природу. Институциональные структуры возникают в результате формирования системы организованных взаимодействий, продуцирующих, в свою очередь, такие эффекты, как регулярность, повторяемость, предсказуемость. В условиях социальной упорядоченности гармонизируются действия социальных субъектов, что позволяет согласовывать социальные интересы, преодолевать рассогласованность и достигать снижения риск-эффектов от противоречий. В ходе социальных взаимодействий происходит постоянное воспроизводство практик, обеспечивающее стабильность и устойчивость социальных отношений. Как следствие воспроизводства взаимодействий осуществляется институционализация порядка.

Революционная транзитивность также характеризуется ценностными изменениями. Происходит пересмотр ценностных основ, что вызвано утратой представлений о ценностях, развивающихся нормативно-ценностных рассогласований. Прежние ценностные константы теряют свою значимость и перестают быть основанием институциональных структур. Данное состояние можно обозначить как ценностную девальвацию, ценностное обесценивание. Здесь, безусловно, проявляется ценностно-институциональная взаимообусловленность, когда обесценивание ценностей трансформирует институциональные структуры, а институциональные дисфункции девальвируют ценности и идеалы.

Кризис, проявляющийся в пересмотре ценностных принципов предшествующего порядка – *девальвации*, сосуществует с риск-тенденциями ценностной *актуализации*, когда ценности не меняются, но наполняются новым историческим содержанием. Разве революционному обществу не нужен порядок? Нужен. Система стремится к самосохранению, следуя базовым принципам упорядоченности – стабильности, определенности. Но идея прежнего порядка девальвирована, а новая социальная жизнь нуждается в новой

институционализации. Новый порядок нуждается в новых лидерах, организациях как эпицентрах альтернативы и будущей стабильности, необходимой здесь, в настоящем. С рассогласованным обществом необходимо говорить, и поэтому возрастает значимость антропо-дискурсивного фактора – «человека говорящего», будь то агитатор в окопах на полях сражений Первой мировой войны или лидер Октября 1917 г. в Петрограде. Становление нового порядка начинается с его дискурсивной актуализации, порядок должен быть услышан...

Амбивалентность ценностной сферы революционного общества проявляется в тенденциях *«консолидации/дезинтеграции»*. Так события февраля 1917 г. в России, как их описывает В. Б. Аксенов, можно определить как «ценностный ренессанс». Эта духовная ситуация характеризовалась романтизацией революции в обыденном сознании жителей Москвы и Петрограда. Ценности свободы, равенства как «классические» идеи-константы революции соединили в себе настроения и ожидания обществ, переживающих революционные трансформации. Необходимость выживания в условиях усиливающегося раскола, развивающейся разрозненности, поляризующих социальные группы на лагеря, приводит к единению, всеобщей консолидации как некоему социальному инстинкту выживания. В то же время очевидны дезинтеграционные тенденции, так как в революционном обществе выделяются две стороны, как минимум: сторонники революции и приверженцы существующего строя с их различиями в ценностных ориентациях.

Революционный процесс характеризуется коренными изменениями в социальной структуре общества, приводя, прежде всего, к институциональным трансформациям, и проявляется как выбор между порядками – старым и новым. Закономерен вопрос: насколько новый порядок является новым?

Анализ условий, в которых осуществляется революционный процесс, приводит к пониманию зависимости новых идей от существующих условий, вызывающих необходимость адаптации к ним. Как замечает М. Уолцер, несмотря на то, что «модели революционного класса могут намечать новый социальный порядок, его сознательные действия ограничены пределами старого и нацелены на приспособление там, где только возможно» [1, с. 97]. Нельзя отрицать, что сложившаяся система отношений, сил, системы распределения общественных ресурсов, основанные на институциональном фундаменте как совокупности признаваемых правил и норм, подвергаются критическому осмыслению и под

воздействием определенных факторов трансформируются. Т. Скочпол, исследуя опыт социальных революций в России, Китае, Франции, выделяет, с одной стороны, кризис порядка «старого» типа, когда государство отстраняется как от «отстаивания социально-экономических интересов классов, так и от процессов воспроизводства социальных структур и институтов, ориентированных на это» [4, с. 67]. С другой стороны, авторитарные монархии отстаивали свой внутренний порядок, конкурируя с внешней средой. Отметим, что задача обеспечения прежнего порядка реализуется через консервативно-авторитарную стратегию, когда власть зачастую сдерживает, а не создает новые институциональные образования. Это обнаруживается в условиях революционных кризисов, когда с особой интенсивностью проявляется властеориентированность российского социума. Революция всегда политична, и ее процессы определяются как кризисами власти, так и базируются на потенциале упорядочивать, стабилизировать социальную систему.

Амбивалентность революционного находит выражение не просто в существовании, но взаимовлиянии противоположных тенденций, противоречий в пространстве правил, норм. Определим некоторые из них.

«Демонтаж – генезис». Новый социальный порядок невозможен вне новых институтов, закрепляющих новые социальные связи, взаимодействия. Согласно распространенной позиции, революционный процесс 1917 г. был направлен на искоренение институтов и структур, относящихся к прежнему режиму. Ситуация «ценностного подъема», описываемого выше, характеризуется также и «институциональным упадком», когда происходит демонтаж институциональных структур, например органов исполнительной власти, отвечающих за безопасность. Логика революции направлена на коренную ломку институциональных структур и в таком деструктивном порыве уничтожается и то, что обеспечивает стабильность и упорядоченность существования: институты власти, церкви, как это было в российском опыте 1917 г. Делигитимация институтов проявляется, прежде всего, в снижении доверия общества, которое не видит в них основу социальной стабильности, их дисфункция проявляется в снижении регулятивного потенциала. Это имеет особое значение для нашей страны, так как, по словам К. Победоносцева, советника императора Александра III, «Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем...» [5, с. 5].

В то же время институциональное строительство выражалось в порыве молодого активного

населения, прежде всего, интеллигентных и образованных слоев «организовывать всевозможные комитеты, профсоюзы и прочее» [6, с. 124]. В условиях, когда утрачиваются вера в порядок и доверие к власти, нарастает дисфункция социально-политических институтов, обусловленных, в том числе, внутренними противоречиями, когда, по свидетельствам, почти каждый рабочий в 1917 г. имел оружие, что являлось гарантом жизненного мира горожанина. Также отметим, что риски революционного транзита данного периода проявились в неспособности осуществить эффективную институализацию, и архитектура нового порядка, основанная на ценностных принципах «вдохновенного» общества, не смогла завершиться строительством формального правопорядка.

Процесс институализации не одномоментный, он требует временного ресурса, позволяющего обществу адаптироваться к новым правилам, принять новые нормы и поддерживать их, следуя им. Так называемый институциональный импорт сформировал рискогенную среду, в которую были интегрированы новые социальные институты. Процесс внедрения института был успешным, если он, например, соответствовал социокультурным основам общества, его ценностям, традициям, элементам его исторической памяти. Революционный транзит февраля–октября 1917 г. и его постреволюционный этап характеризуется, с одной стороны, внедрением институтов, основанных на традиционности – «общинности», «соборности», как в случае с институтами государственной власти, выражающими коллективистские ориентации. С другой стороны, формирование институтов социалистического порядка общества происходило также и вне социокультурного контекста, когда игнорировались особенности менталитета и традиционные основы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс» (№ 15-33-12009).

Список литературы

1. Уолцер М. Интеллектуалы, социальные классы и революции // Логос. 2012. № 2 (86). С. 95–113.
2. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. 416 с.
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.
4. Епархина О. В. Китайская революция в фокусе исторической социологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 60–75.

- Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России / под ред. В. В. Ильина. М., 1996. 400 с.
- Аксенов В. Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 231 с.

The Order of the Revolutionary Society and the Ambivalence of Risk Trends: Social and Philosophical Aspect

S. A. Danilov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

In this paper the social order of the revolutionary society. Based on the historical experience of revolutions and revolutionary processes of researchers carried out the trends and contradictions of the state social dynamics analysis. There have values transformation: the crisis of values, reflected in the revision of the principles of the previous value of the order - the devaluation, coexists with risk trends of value actualization - when values are filled with new historical content. The ambivalence of valuable sphere of a revolutionary society is also reflected in the trends of consolidation-disintegration. Ambivalence institutional dimension is fixed on the example of the dismantling of the genesis and social institutions, which are also a risk processes.

Key words: social order, revolution, risk, institutions and values.

УДК 316.74:2

СЕКУЛЯРНОЕ СОЗНАНИЕ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Здоровцева Ольга Валерьевна – экстерн кафедры философии религии и религиоведения, Институт философии и социально-политических наук, Южный Федеральный университет (г. Ростов-на-Дону). E-mail: olgazdorovceva@yandex.ru

В статье рассматривается позиция православного богословия, касающаяся религиозной жизни современного российского общества, на примере православных христиан как доминирующей в России конфессии. Делается попытка сравнительного изучения научного и теологического пониманий предпосылок секулярного сознания. Рассматриваются признаки неразвитости религиозной жизни православных христиан: 1) преобладание ритуализма и обрядоверия и непонимание подлинного смысла таинств Церкви; 2) непонимание сути молитвы и поста как инструментов «духовного делания»; 3) практика редкого причащения среди мирян. Это свидетельствует о глубокой секуляризации личного и общественного сознания современных россиян.

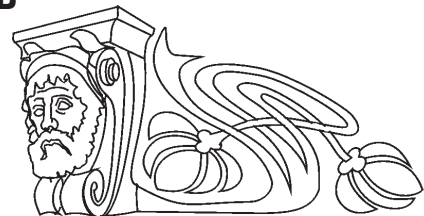
Ключевые слова: секулярное сознание, духовная жизнь, религиозность, православные христиане, российское общество.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-256-261

Для современной постсекулярной России, как и для других европейских стран, характерен возврат к религии. Процессы религиозного

References

- Walzer M. Intellectuals, Social Classes, and Revolutions. *Democracy, Revolution, and History*. Ed. by T. Skocpol. Ithaca; New York; London, 1998, pp. 127–142 (Russ. ed.: Uoltser M. Intellektualy, sotsialnye klassy i revolyutsii. *Logos*, 2012, no. 2 {86}, pp. 95–113).
- Eisenstadt S. N. *Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations*. New York, 1978. 348 p. (Russ. ed.: Eyzenshtadt Sh. *Revolyuitsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsiy*. Moscow, 1999. 416 p.).
- Sorokin P.A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* (Human. Civilization. Society). Moscow, 1992. 543 p.
- Eparkhina O.V. Kitayskaya revolyutsiya v fokuse istoricheskoy sotsiologii (The Chinese revolution at the focus of historical sociology). *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. (Moscow State University Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science)*, 2013, no. 1, pp. 60–75.
- Ilin V.V., Panarin A.S., Akhiezer A.S. *Reformy i kontrreformy v Rossii* (Reforms and counter-reforms in Russia). Ed. by V. V. Ilin. Moscow, 1996. 400 p.
- Aksenov V.B. *Povsednevnyaya zhizn Petrograda i Moskvy v 1917 godu: dis. ... kand. istoricheskikh nauk* (Daily life of Petrograd and Moscow in 1917: dis. ... PhD of historical sciences). Moscow, 2002. 231 p.

возрождения, происходящие в постсоветском обществе, на протяжении последней четверти века постоянно привлекают внимание социологов, философов, религиоведов, им даются порой противоречивые оценки. В целом эти оценки можно разделить на две группы: 1) российское общество секулярно (А. Морозов, Г. Кертман, А. Аполлонов), т.е. утратило связь с религией и, соответственно, подлинную религиозность; 2) российское общество недостаточно секулярно и безрелигиозно (А. Кырлежев, А. Шишков, Д. Узланер), поскольку в советский период «оно базировалось на одной из самых мощных политических религий современности» [1, с. 145], на атеизме, и в «Советском Союзе не произошло отделения религии (или «псевдорелигии») от других социальных институтов» [1, с. 145].